

без “чего-то главного, лошадиного” конюха Назара, труса Васьки, который кричит и дерётся, совсем юного, игривого, как жеребёнок-сосунок, Андрияшки и ещё одного конюха, безмянного, жестокого и нетерпеливого.

Изумруд не склонен отгораживаться от человеческого мира, напротив, он тянется к людям, но не всегда встречает понимание. И читателю становится понятно, почему звучит “грубый человеческий окрик” и “тоненькое, дрожащее, ласковое и игривое ржание”.

Сюжет рассказа, изложенный человеком, прозвучал бы ordinarily, почти тривиально, но события в восприятии Изумруда, не постигшего человеческую логику (и человеческую жестокость), не оставят читателя равнодушным.

Рысак просыпается накануне бегов в полночь и, убаюканный теплом конюшни и ароматом сена, вновь засыпая, возвращается в детство, к матери-кобыле. Счастливые и приятные воспоминания прерываются суетой начавшегося дня. Нетерпение застоявшегося Изумруда сдерживают мудрые руки англичанина. В конечном итоге победа рысака — это торжество американской выездки, превращающей “лошадь в живую безукоризненную машину”. Непонятные для него манипуляции фотографа, запечатлевшего триумф Изумруда, прерваны “чёрной рассыпающейся массой” людей. И далее происходит что-то совсем уж непонятное для рысака, обозначенное криком: “Поддельная лошадь, фальшивый рысак, обман, мошенничество, деньги назад!”

И виноваты не “большая жёлтая луна, внушавшая ему тёмный ужас”, а люди — одни, пытавшиеся обмануть других, и другие, мстящие за обман. А между молотом и наковальней — почти совершенной красоты жеребец Изумруд, так и не понявший, что ему подсыпали отраву в овёс, чтобы прекратить дальнейшее разбирательство.

Пять глав из шести в рассказе занимает триумф Изумруда, ибо, даже не выступая на бегах, а только готовясь к ним, он торжествует над несовершенством жизни. Кульминация — в конце пятой главы, когда творится несправедный человеческий суд. И стремительная развязка в шестой главе. Всё это сообщает напряжённость сюжету, начавшемуся, казалось бы, столь безмятежно.

В поле зрения Изумруда попадает привычная обстановка: конюшня, коновязь, двор ипподрома. Восприятие сла-

гается из запахов (“крепкий, волнующий запах её кожи”, “вонючий табак”, “тёплый запах пережёванного сена”, “уютно пахнет чёрным хлебом и чуть-чуть вином”), звуков (“жевали сено, вкусно хрустя зубами и изредка отфыркиваясь от пыли”, “храпел дежурный конюх”, “ревнивое сердитое дыхание”, “злобно взвизгивали”). Пейзаж появляется лишь во сне Изумруда, когда он видит себя на ароматном лугу рядом с матерью. И краски ярче и чище, и запахи отчётливее. В воспоминаниях его пьянит “восторг молодости, силы и быстрого бега”.

В рассказе рядом оказываются жеребцы и кобылы разных мастей, пород, возрастов и характеров, но их роднит природное изящество, грация, на которую невозможно налюбоваться. И сколь контрастны люди (“руки неуверенны и неточны”, “ездить он не умеет — дёргает, суетится”, “с кривым глазком”, “руки у него не гибки, точно деревянные”). Лошади, даже с ногавками на бабках, полотняными поясами, подмышниками, отороченными мехом, выглядят венцом творения природы.

Повествование почти лишено диалогов: это или вопли восторга на круге ипподрома, или предполагаемый разговор между англичанином и Изумрудом. Реплики, произнесённые вслух, висят в воздухе, потому что на первый взгляд не касаются главного героя, который часто думает про себя и даже не лишён фантазии (“думая о нём, Изумруд сам попробовал мысленно похромать немножко”).

Чисто купринская манера письма, нарочито бесстрастная, иногда суховато повествовательная, иногда расцвеченная удивительно точными “говорящими” эпитетами (“сказочно-прелестно зелена”, “нежно розовела”, “сверкала дрожащими огнями роса”), производит тем не менее неотразимое впечатление: как живые встают перед нами красавец рысак и другие герои рассказа. В нескольких фразах описывает Куприн метаморфозу, произошедшую с рыжим жеребцом, соперником Изумруда. Динамика видится и в “дрожащих огнях”, и в переливающихся от движения мускулах под кожей.

Психологический драматизм ставит рассказ Куприна в один ряд с произведениями И.С. Тургенева, С.А. Есенина и других писателей, помнивших о наших “меньших братьях”, а острота постановки общечеловеческих проблем делает его актуальным во все времена.

НА СТРАНИЦАХ «ЛИТЕРАТУРЫ»

Наша газета выходит четырнадцатый год, и в силу своеобразия её издания и содержания многие материалы, напечатанные даже достаточно давно, по-прежнему остаются полезными для учителя. Так, по теме статьи Р.Нумазалиевой, связанной с вопросом изучения произведений о животных, советуем обратить внимание, в частности, на следующие публикации в «Литературе» прежних лет.

Борисов М. Библиейские реминисценции в творчестве И.С. Тургенева: На примере повести «Муму» (1998. № 13).

Зенкевич С. Звуки рассказа «Зверь» (1996. № 2).

Ивин А. Друг естества [О Э.Сетоне-Томпсоне] (1995. № 26).

Медведева Г. Уроки по рассказам Андрея Платонова «Корова» и «Июльская гроза» (2003. № 5).

Петров И. Урок любви к ближнему: Рассказ А.Платонова «Корова» в школьном курсе литературы (2005. № 3).

Присяжнюк И., Кабикова Е., Журавлёва О. Повесть Г.Н. Троепольского «Белый Бим Чёрное Ухо» в школе» (2001. № 39).

Рослякова Л. Высоты прозрения: Пятиклассникам о «Муму» Тургенева (1995. № 38).

Сетюкова-Кузнецова М. «Со мной собаки...» [О творчестве Ю.М. Нагибина] (1999. № 41).

Штильман С. Герасим и другие (1997. № 20).